

Мечники — народ на редкость прямолинейный.

Эта черта сквозит во всём: в их характерах, манере общения и, конечно же, в стиле боя. Людские натуры переменчивы, и среди адептов меча встречаются разные личности, однако сам путь становления мечником — это процесс жёсткого отсева. Далеко не каждого, кто выбрал клинок своим оружием, можно назвать истинным последователем этого пути.

Отсесть лишние мысли, сделать меч единственной целью и смыслом своего существования, войти в Дао через клинок — вот базовый стандарт, без которого немислимо истинное мастерство.

Что же касается Юнь Мо, то его мотивы были предельно просты.

Сделка между Сектой Меча и Сы Синфэном заключалась в следующем: одна Пилюля девяти оборотов возвращения души в обмен на сто лет защиты для Сы Жаня. Согласно условиям договора, срок службы начинался вчера в полдень.

Мечник должен был прибыть в Секту Сяньюнь к назначенному часу, но из-за непредвиденных обстоятельств в пути он задержался. Осмотрев Сы Жаня, Юнь Мо отметил, что тот ранен. Пусть раны были лишь поверхностными, но по остаткам духовной энергии в них и состоянию тканей он мгновенно определил: юноша пострадал уже после того, как договор вступил в силу.

Это была его ошибка. Просчёт, допущенный в период исполнения обязательств.

А за ошибки следовало извиняться. И, что важнее, — не допускать их впредь.

***

Сы Жань не догадывался о ходе мыслей защитника. Он полагал, что все гении — народ заносчивый, и никак не ожидал, что столь прославленный мастер извинится перед ним прилюдно, да ещё и так искренне.

«Похоже, мой телохранитель из Секты Меча на редкость ответственный тип?»

Уровень культивации Юнь Мо превосходил его собственный на целую пропасть, поэтому сведения, которые могла предоставить Драгоценная книга, были весьма скудными. Сы Жань мягко моргнул и произнёс: — Ничего страшного, ты не слишком опоздал. Но... не мог бы ты помочь мне разобраться с кое-какими «незаконченными делами»?

Под «незаконченными делами» он, разумеется, подразумевал своё имущество, которое

бесстыдно присвоили Цинь Цюхуа и Чжан Ифэй. Если бы мечник прибыл вовремя, этого позора бы не случилось, так что просьба была вполне справедливой.

Юнь Мо едва заметно кивнул: — Хорошо. Что именно нужно сделать?

Стоило ему произнести это, как лица учеников Сяньюнь, надеявшихся замять дело, мгновенно побледнели. Цинь Цюхуа, только начавший приходить в себя, застыл с широко распахнутыми глазами. Его губы задрожали, он хотел было что-то выкрикнуть, но один из стоящих рядом адептов, проявив завидную прыть, вовремя зажал ему рот.

О Чжан Ифэе, чьё нападение обернулось крахом, и говорить не стоило. Отброшенный вспышкой клинка, он корчился на земле от внутренних ран, а теперь, туго связанный, лишь испуганно косился на поделника в поисках хоть какого-то утешения.

«Я ведь ради тебя полез на рожон и напал на Сы Жаня!» — в исступлении вопил он про себя.

К несчастью для него, Цинь Цюхуа сейчас и сам едва держался, и ему было совершенно не до своего верного прихвостня. Чжан Ифэй, придавленный к грубой земле руками товарищей, с трудом вскинул голову. В его зрачках плескался первобытный ужас перед грядущей расправой.

Сы Жань не без удовольствия отметил, как изменилось настроение толпы. Презрение, жалость и зависть сменились трепетом, страхом и глубоким беспокойством. И источником этой перемены был Юнь Мо.

«Хвост лисы, почуявшей мощь тигра... А ведь это чертовски приятное чувство»

В этом мире только сила определяла положение вещей.

На миг Сы Жань погрузился в свои мысли, но быстро встряхнулся и перешёл к делу: — У меня отобрали все вещи. Три сумки для хранения, три кольца для хранения и один браслет для хранения. Будь добр, помоги вернуть их. Это всё моё скромное состояние.

— Кто это сделал? — коротко спросил Юнь Мо.

Сы Жань указал на обидчиков: — Вот эти двое. Одну сумку уже нашли, но остальное...

Он не успел договорить. Один из учеников, до этого обыскивавший Цинь Цюхуа, поспешно подбежал и протянул белую сумку для хранения, возвращая вещь законному владельцу.

Сы Жань сжал её в руках. Духовное клеймо, оставленное Цинь Цюхуа, было стёрто во время проверки, так что юноша без труда наложил свою метку.

Юнь Мо перевёл взгляд на вора. Тот наконец сумел вырваться из рук сотоварищей, попятился и в панике закричал: — Это не я! Я ничего не брал!

Даже ребёнку было ясно, что он лжёт. Впрочем, это была даже не ложь, а отчаянное сопротивление перед лицом неминуемого краха.

На этот раз вмешался Се Жунцзин. Лениво сплетя пальцы в магическом знаке, он выпустил две вспышки белого света. Окутав Цинь Цюхуа и Чжан Ифэя, сияние вытянуло целый ворох артефактов, которые с глухим звоном посыпались на землю.

— Вот и всё, что у них было при себе, — усмехнулся Се Жунцзин. — Посмотри, твоё ли это. Если чего-то не хватает, можем сходить и обыскать их жилища.

Сы Жань быстро выудил из груды вещей свои сокровища и прижал их к груди: — Спасибо, большое спасибо! Всё здесь, теперь я забрал своё.

Се Жунцзин подошёл ближе: — Помочь стереть чужие клейма?

— О, если тебе не трудно.

Мечник в мгновение ока очистил артефакты. Однако сам процесс удаления чужого следа требовал глубокого погружения духовного сознания в пространство предметов, так что Се Жунцзин волей-неволей увидел их содержимое.

— Ого, — протянул он с некоторым сомнением. — А ты, оказывается, богат.

Сы Жань замаялся. Столь «приземлённое» замечание застало его врасплох.

— Разве? — он припомнил, что лежало в его сумках. Обычные базовые пилюли, немного духовных камней да простенькие инструменты. Всё это предназначалось для стадий Очищения Ци и Возведения Основания — для мастеров уровня Золотого Ядра такие вещи не стоили и упоминания. Единственной ценной вещью была бутылка с Пилюлями возведения основания.

Лицо Се Жунцзина стало ещё более кислым.

И тут Сы Жань вспомнил об особенностях их ремесла.

Мечники.

Ах, ну да. Ходили слухи, что адепты меча, преданные своему искусству, редко обременяли себя мирским богатством.

Сы Жань поправил сумку на поясе, а кольца и браслет нанизал на тонкую цепочку и спрятал под одеждой — он не привык носить украшения, и кольца на пальцах казались ему чем-то инородным.

«Неужели моё состояние в глазах мечников считается богатством?»

— У тебя остались ещё дела? — Юнь Мо окинул взглядом толпу.

Он заметил, что некоторые ученики уже потянулись к коммуникационным нефритовым талисманам. Очевидно, они спешили уведомить старейшин секты. Если медлить, уйти без лишних хлопот будет сложно. Сделка Секты Меча касалась только Сы Синфэна, и Юнь Мо не горел желанием вступать в переговоры с руководством Сяньюнь.

Сы Жань посмотрел на Цинь Цюхуа и Чжан Ифэя. По натуре он был человеком злопамятным и предпочитал сводить счёты на месте, но, поразмыслив, решил, что этим двоим и так недобровать. Когда он уйдёт, Секта Сяньюнь не погладит их по головке за братоубийство и попытку грабежа, не говоря уже о выдуманном сокровище.

Иными словами, расплата настигнет их и без его прямого участия.

Сы Жань улыбнулся: — Дел больше нет.

— Тогда уходим, — отрезал Юнь Мо.

На горизонте уже показались стремительные тени — старейшины Секты Сяньюнь спешили к месту происшествия. Юнь Мо лишь мазнул по ним взглядом, подхватил Сы Жаня за плечо и вместе с Се Жунцином растворился в воздухе.

Старейшины, прибывшие по сигналу тревоги, обнаружили лишь пустую поляну.

— Что произошло?! Почему Юнь Мо из Секты Меча внезапно явился к нам?!

Секта Сяньюнь, разумеется, мечтала о связях с таким гигантом, как Секта Меча, но визит Юнь Мо был более чем странным: он не вошёл через главные ворота и не известил управляющих.

Они надеялись перекинуться парой слов с великим гением, чтобы наладить контакт, но тот просто исчез!

Лю Ци, адепт в красном, вновь набрался смелости и выступил вперёд: — Глубокоуважаемые старейшины, кажется, мастера Секты Меча прибыли ради... Сы Жаня.

Затем он честно и без прикрас изложил всё, чему был свидетелем. По мере его рассказа лица старейшин становились всё мрачнее, а аура вокруг них — всё тяжелее. Когда Лю Ци закончил, один из них в ярости обрушил удар на пустую землю, оставив в ней огромный кратер!

— Искажение истины! Покушение на сотоварища! Этому ли вас учили в стенах секты?! — гремел старец, указывая на Цинь Цюхуа ледяным жестом. — А ты! Неужели ты думал, что другие культиваторы — идиоты?! Думал, никто не разглядит твои гнилые помыслы?! Путь культивации — это прежде всего путь очищения сердца! А твоё сердце, я вижу, прогнило до самой черноты!

Цинь Цюхуа в ужасе рухнул на колени, его ноги подкосились. — Простите, старейшина! Я виноват, разум мой помутился на мгновение... Но меня обманули! Это Чжан Ифэй! Он подстрекал меня!

Чжан Ифэй, и без того тяжело раненный, почувствовал, как к горлу подступила кровь. — Замолчи! — прохрипел он с налитыми кровью глазами. — Я ведь был к тебе так добр! А ты...

— Довольно!

Старейшина Зала Правосудия, не в силах больше терпеть этот фарс, оборвал их резким окриком: — Цинь Цюхуа, Чжан Ифэй! Нарушение устава ордена, покушение на жизнь соученика — преступления тяжкие и позорные! Согласно законам секты, лишите их культивации и изгнать прочь!

Едва он договорил, как двое учеников из Зала Правосудия выступили вперёд. Будучи мастерами стадии Возведения Основания, они действовали быстро и безжалостно: мощными ударами в область даньтяня они разрушили духовные корни и сокрушили меридианы осуждённых.

Чжан Ифэй мгновенно потерял сознание. Цинь Цюхуа издал лишь один сдавленный крик, прежде чем его голос запечатали. Бессильно разевая рот, он корчился на земле в агонии. Остальные ученики невольно вздрогнули.

Лицо старейшины оставалось суровым. Этим судом он хотел исправить то впечатление, которое сложилось у гостей из Секты Меча. Неважно, захотят ли Юнь Мо и Се Жунцзин преследовать этих двоих дальше — Секта Сяньюнь обязана была продемонстрировать свою непримиримость. Мощь великого ордена была не тем, чему Сяньюнь могла противостоять.

— Ты сказал, вы собрались здесь из-за сокровища? — снова спросил старейшина.

Лю Ци, весь дрожа, ответил: — Да, мы заметили вспышки молний и пятицветное сияние, поэтому сбежали сюда. А потом услышали слова Сы Жаня...

— Глупцы! — оборвал его старейшина. — Духовная энергия здесь спокойна, пространство стабильно. С чего бы тут взяться редкому артефакту? Вы столько времени посвятили практике — неужели нельзя было хоть немного пораскинуть мозгами?

Лю Ци замер: — Тогда... неужели...

— Вас всех обвёл вокруг пальца Сы Жань, — Старейшина Зала Правосудия погладил бороду, в его глазах мелькнуло нечто похожее на интерес. — Должно быть, он не мог выбраться из ямы и нарочно приманил вас. А когда оказался на свободе, вовремя заприметил своих врагов и, воспользовавшись случаем, разыграл перед вами великолепный спектакль.

Все присутствующие ученики остолбенели.

Как такое возможно? Неужели их всех... обманул этот никчёмный юнец с пятиэлементным духовным корнем?

— Нет! Не верю! — Цинь Цюхуа впился пальцами в землю, не в силах принять услышанное. — Этот мусор... как он мог?!

Он всегда считал себя великим манипулятором, способным вертеть соплеменниками как заблагорассудится. И до этого момента ему всё удавалось: Чжан Ифэй был лишь одним из многих инструментов в его руках. Цинь Цюхуа втайне гордился своим коварством, и мысль о том, что Сы Жань использовал его, была невыносима!

— Чего стоите? Выбросьте их за ворота, — нахмурился старейшина. — А остальным — урок на будущее. Думайте головой, прежде чем поддаваться на чужие провокации.

С этими словами Старейшина Зала Правосудия удалился вместе со своими помощниками.

Оставшиеся ученики переглядывались в неловком молчании. С трудом осознав масштаб своего позора, они начали расходиться по двое-трое. Среди них самыми потерянными выглядели адепты Двенадцатого пика — те, кто жил бок о бок с Сы Жанем.

— Что же это получается? — пробормотал один из них. — Наш дурачок... больше не дурак?

***

Тем временем Сы Жань, которого Юнь Мо крепко держал за плечо, после стремительного взлёта и пары головокружительных оборотов в воздухе, наконец, пошатываясь, опустился на землю.

Едва приземлившись, он громко чихнул. Сы Жань потёр нос. Ему почему-то казалось... что кто-

то за спиной поминает его недобрым словом.

«Я словно слышу, как кто-то за моей спиной судачит обо мне...»

<http://bllate.org/book/15359/1412936>